

Писатель XXI века

Век, Москва, 1994. — 5 марта. — с. 5.

Горе не отпускало его до самой смерти...

В 1994 году исполняется 95 лет со дня рождения **Андрея Платоновича Платонова** (1899—1991), блистательного автора «Чевенгура», «Третьего сына» и «Епифанских шлюзов», неподражаемого стилиста, которого известный литературовед Наталья Корниенко назвала даже «создателем качественно нового русского литературного языка, писателем XXI века».

С руководителем «Общества имени Андрея Платонова» — дочерью писателя Марией Платоновой беседует корреспондент РИА «Новости» Николай Мойкин.

— Мария Андреевна, какие цели и задачи ставит перед собой ваше общество?

— Одна из наших главных целей — выявление и сохранение объектов и памятных мест, связанных с именем писателя. Это прежде всего создание мемориальной квартиры-музея Андрея Платонова в доме №25 по Тверскому бульвару в Москве. Здесь автор «Сокровенного человека» и «Котлована» прожил с семьей 20 лет, написал большую часть своих произведений, здесь же он умер. Сейчас в этом здании Литературный институт им. Горького. Создать музей нелегко, мы сталкиваемся со множеством трудностей, в том числе с финансовыми. Квартира в запущенном, плачевном состоянии. Многие для превращения ее в музей делает ректор института Сергей Есин, избранный вице-президентом общества.

— Расскажите, пожалуйста, о детстве отца, начале его жизненного пути.

— Начало было очень тяжелое. В местечке Ямская Слобода под Воронежем, где он родился, царил нищета, запустение, неисчерпаемая печаль жизни. Андрей Платонов познал в детстве столько горя, что потом оно не отпускало его от себя до самой смерти. В мальчишестве ему натирала плечи сума для милостыни¹ — в семье одно время было до десяти ртов, а работал один — мой дед. Тогда же отец испытал горечь первых утрат близких: от голода и болезней помирали его младшие братья и сестры. В повести «Происхождение мастера» выведен даже образ старухи Игнатьевны, которая облегчала детскую смертную участь с помощью грибной настойки, смешанной со сладкой травой. Она давала эту смесь измученному голодом ребенку, и тот мирно затихал с сухой пеной на губах. А мать целовала его в «состарившийся, морщинистый лобик и шептала: «Отмучился, родимый. Слава тебе, господи!» Она верила, в такое облегчение грустной доли своего дитя.

Подростком отец познал наемный труд, участвовал в гражданской войне и построении новой деревни. Все эти «университеты» наполнили его душу и разум глубоким и неуходящим состраданием к несчастным людям. В 1922 году он писал своей жене Марии Александровне Платоновой: «Я жил и томился, потому что жизнь сразу превратила меня из ребенка во взрослого человека, лишая юности».

— Разумеется, человеческое горе стало одной из основных тем писателя Платонова?

— Конечно. Очень правильно, на мой взгляд, написал об этом критик Владимир Васильев: «В советской литературе нет другого писателя, который бы с такой пронзительной силой и страшной глубиной резанул читателя по сердцу картинами людского горя, сиротства и беззащитности, но нет и писателя, который с такой страстью ненавидел бы всякое унижение «кругом огорченного» простого человека, который показал с жестоким реализмом самый процесс выкарабкивания низового люда, задавленного веками угнетения и темноты, к новому свету».

Для отца всякий человек был тайной, загадкой, а человек, обделенный судьбой, урод, нищий был для него загадочен вдвойне.

— Как выглядел Андрей Платонович?

— Помню отца очень худым, высоким. В основном он лежал тогда в постели, часто читал мне сказки. Я сидела на пороге другой комнаты, ибо подходить близко мне не разрешали: у него была открытая форма туберкулеза — последствие контузии, полученной им во время бомбежки под Львовом. Мы в то время редко выходили с ним на улицу.

По воспоминаниям знавших его современников, отец был крепкого телосложения, имел открытое славянское лицо, печальные глаза, ходил в сапогах, серых брюках навыпуск, а летом — в холщовой или ситцевой рубашке. Он мало разговаривал, особенно с малознакомыми людьми, держался всегда скромно, тихо, даже как-то настороженно.

— Вашего отца знал по корреспондентской работе на фронтах Великой Отечественной войны писатель Виктор Полторацкий. Впоследствии он вспоминал о нем так — цитирую: «Во внешности Платонова было что-то от мастерового, рабочего человека, в силу необходимости ставшего солдатом, чтобы защитить свою родину. Был он мягок и прост в обращении, умел найти свое слово для каждого — будь то солдат, генерал, старуха крестьянка или ребенок. Говорил глуховатым, низким голосом, спокойно и ровно. Но порою был и резок, колюч, всегда абсолютно нетерпим к фальши и хвастовству. Цепкий, острый взгляд его насквозь видел собеседника».

Вы согласны с таким портретом отца?

— Большинство этих черт верны, хотя мне кажется, в отце было больше от истинного интеллигента, чем от мастерового. Припоминается строка из его письма маме в 1935 году. «Я не гармоничен и уродлив, — говорил о себе писатель Платонов, — но так и дойду до гроба, без всякой измены себе».

— Вы сказали, что ваш отец рано познал наемный труд. Кем ему пришлось работать?

— В юные годы он таскал носилки с мусором, шлифовал мельничные жернова, выполнял любую черную работу, то есть жил, как заметил тот же критик Васильев, «бескрыло и вслепую». В первые десять лет после Октябрьской революции Андрей Платонов работал просто с неистовством: искал себя в политике и философии, в теории и истории искусств, много энергии отдавал практическому осуществлению программы электрификации страны, мелиорации земель, вовлечению крестьян в кооперативы и товарищества. Когда он работал в губернском земельном управлении (в 1922—1926 годах), под его непосредственным руководством было вырыто 763 пруда, 316 шахтных колодцев, возведено 800 плотин и 3 электростанции, организовано 240 мелиоративных крестьянских товариществ. Отец также руководил сооружением дорог, дамб, мостов...

— А как он относился к писательскому труду?

— Почти как к наемному. С 12 лет начал сочинять стихи, с 14 — работал в местной газете. В течение одного только 1920 года опубликовал около 60 работ в различных жанрах. Отец говорил: ум писателя должен работать безотказно, как мотор самолета над ледяными торосами, где посадка опасна.

— С кем из писателей встречался, поддерживал связь Андрей Платонов?

— Летом 1929 года отец встречался в Москве с Горьким, когда тот приехал из-за границы. Алексей Максимович с интересом отозвался о его пьесе «Высокое напряжение». Многолетняя дружба связывала Андрея Платонова с Михаилом Шолоховым...

— Кого из писателей, поэтов Платонов ставил выше всех?

— Пушкина. Для него он был идеально гармоничным художником, «светом народа», универсальным гением, прикоснувшимся в своем творчестве ко всем сторонам реальной жизни. После смерти Пушкина, как считал отец, универсальный разум поэта не передался ни одному из последующих титанов русской литературы.

Андрей Платонов также испытывал на себе гипнотизирующую художественную силу Достоевского... Вообще он считал, что литература всегда имела в жизни русского общества исключительное значение. По его мнению, русский национальный гений ни в каком другом виде искусства не проявился так ярко, как в литературе.

— Как он относился к зарубежным писателям?

— Довольно специфически. К примеру, Пруст, на его взгляд, сделал своих персонажей слишком сомнамбулическими; Чапек в своих фантастических трудах подвел человечество к порогу самоистребления. Героям Хемингуэя «может быть, вовсе и не надо было прощаться с оружием, чтобы не оставлять лучших людей безоружными...» Кстати, сам автор романа «Прощай, оружие!» после прочтения рассказа «Третий сын» заявил, что Андрей Платонов — один из тех немногих писателей, у которых надо учиться.

— Как он смотрел на любовь, семью, детей?

— Любовь отец ставил вровень с религией. В одном из писем жене подчеркивал: «Мое спасение — в переходе моей любви к тебе в религию». Дети были для него «лучшими из людей». В другом письме он отмечал, что утешение свое черпал в родном ребенке и способен был перенести ради семьи «самую свирепую муку».

Отец страшно переживал арест моего 15-летнего брата Платона. Его выслали в Норильск, там мальчик тяжело заболел, потом ему разрешили вернуться, а в 1943 году он умер в Москве.

Трагическим оказалось расставание Андрея Платонова и с родным отцом. В том же, 1943 году, после освобождения Воронежа от немцев, он навестил родные края. Ямская Слобода, где прошло его трудное детство, встретила развалинами, пеплом, гарью. В городе он отыскал дальних родственников, но не нашел отца: оглохшего и полуслепшего в 72 года, его угнали вместе с другими жителями на Запад. Но после войны дед вернулся и ненадолго пережил сына.

— Что стало с вашей мамой?

— Она скончалась 9 января 1983 года. А я живу сейчас с 8-летним сыном Антошей...

— Отец похоронен в Москве?

— Он скончался 5 января 1951 года. Похоронен в Москве на Армянском кладбище.

— Кто может входить в «Общество Андрея Платонова»?

— По нашему уставу в общество входят на добровольных началах профессиональные литераторы, литературоведы, представители научной, творческой интеллигенции. В принципе общество открыто для всех любителей творчества Платонова. В него могут войти писательские и прочие коллективы других государств, признающие его цели и задачи.

— Какова финансовая база общества?

— Очень слабая. По сути дела, мы начинаем все с нуля. Разумеется, мы были бы рады, если бы нас поддержали все, кто любит книги Платонова, кто разделяет его философские концепции и эстетические принципы. Могу назвать номера банковских счетов для пожертвований в фонд «Общества имени Андрея Платонова» на восстановление музея-квартиры писателя и издание его произведений.

Рублевый: №700001 отг. в ф. «Тверской АБ Торибанк»,

к/сч. 4161609 в РКЦ-2 ГУ ЦБ РФ г. Москва,

МФО 201779 код. учН-6.

Валютный: Bank Delovaja Rossia/Russia/Moscow in Favour of

AB Toribank ac. 073000007/001 (доллары США) или

ac. 073000007/048 (немецкие марки) for Andrei Platonov

Society ac. 8070001/001

167